

НОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ КАМЕНЕЦКОГО КАСТЕЛЯНА ПАВЛА ПОТОЦКОГО

Пути России и Польши пересекались, безусловно, не раз. Но считается, что именно в XVII в. влияние на русскую жизнь последней становится особенно заметным. Россияне больше интересовались всем «польским», оставляя о нем свои впечатления. Эти свидетельства многое дают как для понимания «иной реальности», так и, прежде всего, самих россиян, помогая постичь их мысли и чувства, прояснить сложные механизмы восприятия, а в конечном итоге реконструировать историю жизни и создать психологические портреты видных представителей Московского царства.

Камене́цкий кастелян (каштелян) Павел Потоцкий герба «Золота Пилява» был историком, дипломатом, писателем, военным и политическим деятелем Речи Посполитой XVII в. Он принадлежал к одному из могущественных магнатских родов Польши, слыл человеком весьма образованным [Nehring, s. 54], путешествовал по Италии, обучался в Падуе (1641–1642 г.), а после возвращения на родину стал секретарем Владислава IV (1632–1648 г.). Потоцкий занимался изучением трудов Ливия, написал панегирическое сочинение о выдающихся войнах польского и литовского происхождения [Bushkovitch, p. 101; Stolarski, p. 196; Rogalski, s. 87]. С 1674 г. — камене́цкий кастелян. В целом, о жизни этого государственного мужа осталось не так много сведений. Одним из спорных моментов биографии Потоцкого является вопрос о его кончине.

В историографии есть несколько точек зрения на время смерти Потоцкого. Например, в трудах Ю. Бартошевича, Л. Рогальского, Р. Поляка, К. Лимана, Б. Суходольского (ред.), Е. Старнавского, Р. Афтаназия, М. Иловецкого отмечен 1674 г. [Bartoszewicz, s. 395; Rogalski, s. 87; Pollak, s. 119; Liman, s. 103; Historia nauki polskiej, s. 139; Starnawski, s. 174; Aftanazy, s. 53; Howiecki, s. 89], Г. Корбут и А. Хшонщевский указывали 1675 г. [Korbut, s. 573; Chrzyszczewski, s. 35].

В наиболее важной и единственной специальной биографии Потоцкого, написанной М. Нагельским для авторитетного «Польского биографического словаря», подчеркивается, что Потоцкий скончался в 1675 г., на стыке ноября и декабря, а скорее всего, до 23 декабря [Nagielski, s. 119]. Так же общо очерчивают время смерти Потоцкого авторы «Словаря польских историков» [Słownik historyków polskich, s. 423] и Я. Столицкий [Stolicki, s. 27]. В исследованиях первого десятилетия XXI в. ясности в смерти камене́цкого кастеляна не добавляется — авторы называют лишь 1675 г., не конкретизируя дату [Bömelburg, s. 553; Stolarski, p. 196]. Некоторые продолжают указывать 1674 г. временем кончины польского писателя [Межва, с. 16; Kartografia polska, s. 56].

Точных данных нет и в интернет-источниках. Сайт музея Вилянув, сотрудники которого специально занимаются изучением времени короля Яна III Собеского (1674–1696 г.) и деятелей его эпохи (к которым относится и Потоцкий), повторяет сведения из «Польского биографического словаря» [Potocki Paweł]. На сайте, посвященном польской генеалогии — «Потомки Великого сейма» [Potomkowie Sejmu Wielkiego], — еще больше сомнений в вопросе времени смерти Потоцкого: указываются как 1674, так и 1675 (осень) г. Такой же характер имеет информация в польской Википедии [Paweł Potocki]. Похожая ситуация и с русскоязычными интернет-ресурсами. Таким образом, в информационном пространстве по данному вопросу нет единства — проблема так и остается открытой: неизвестны точная дата, место и обстоятельства смерти камене́цкого кастеляна.

В ходе работы с документами московской резидентуры стольника Василия Михайловича Тяпкина, пребывавшего в 1673/1674–1677 г. в Речи Посполитой в качестве постоянного дипломатического представителя, было обнаружено неизвестное ранее свидетельство о смерти Потоцкого, хранящееся среди посольских книг Российского государственного архива древних актов (Ф. 79. Д. 161 а).

Хотя к материалам миссии неоднократно обращался один из известных исследователей XVII в. К. Матвиевский, новость о смерти Потоцкого, похоже, была обойдена его вниманием. Причина этого кроется, скорее всего, в размерах сообщения — оно небольшое, а также в целях и интересах тех, кто пользовался сведениями Тяпкина. Исследователей больше привлекали обширные и пышные описания коронации Яна III и более важных государственных событий [Matwijowski, s. 43, etc.], нежели вести о смерти польского вельможи.

Сообщение, написанное скорописью XVII в., располагается на четырех листах в статейном списке (черновик) Тяпкина. Предназначалось оно для Артамона Сергеевича Матвеева — главы Посольского приказа (1671–1676 г.) и было помечено: «В государственной Приказ посольские Полаты»¹. Известие особым образом выделено и отделено от другой информации. Это единственный столь обширный «некролог», содержащийся в документах (статейном списке) резидента.

Ценность данного материала в том, что в сообщении отмечается точная дата смерти каменецкого каштеляна: «...Октября (7184 (1675) г.² — А. Б.) в ДІ (то есть 14. — А. Б.) день во Львове учинила[о]сь смерть... каштеляну каменецкому Павлу Потоцкому, которой на Москве был в завоевании...»³.

Нет сомнений, что речь идет именно о Потоцком (несмотря на некоторое искажение в имени), так как упомянут его «титул» и знаменитая история о его пребывании в Москве «в завоевании» (1655–1668 г.), позволившая описать нравы и характеры московской знати. Таким образом, согласно документу, Потоцкий скончался 14 (или 24 по принятому в Польше григорианскому календарю) октября (а не в ноябре-декабре, как предполагалось ранее), а само письмо датировано 1675 г. Названо и вероятное место смерти каштеляна — Львов.

Можно ли доверять свидетельству Тяпкина, ведь львовские хроники⁴ молчат об этом не таком уж и рядовом событии? Прежде всего, резидент с июля по декабрь 1675 г. жил непосредственно во Львове [Шустова, 2000], мог получить сведения «из первых рук». Кроме того, исходя из материалов миссии можно заключить, что стольник весьма тщательно собирал вести и стремился к точности⁵, чувствуя свою ответственность⁶, понимал всю важность сообщения именно достоверной информации. Свои сомнения в верности «реляций» он обычно высказывал в письмах в Москву⁷. Тем более что данные о смерти Потоцкого не были такими уж секретными, и какое-либо намеренное искажение или желание сокрыть их не представляется вероятным. Потоцкий был в это время во Львове, находился при Яне Собеском в его походном лагере, присутствовал при встрече с королем русского гонца М. Бурцова и Тяпкина, о чем свидетельствуют те же донесения резидента⁸.

¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 494.

² Там же. Л. 480 об.

³ Там же. Л. 492 об. — 493.

⁴ Józefowicz J. T. Kronika miasta Lwowa. Lwów, 1854. S. 349–365 (1674, 1675 г.); Zubrzycki D. Kronika miasta Lwowa. Lwów, 1844. S. 432–433 (1674, 1675 г.).

⁵ Тяпкин стремился к точности и в цифрах, стараясь как можно точнее обозначить время, указывая дату по юлианскому и григорианскому («по новому») календарям, какую-либо денежную сумму приводил в золотых, «шелегах» (шелягах) и рублях «московского щоту» (см.: РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 108, 119, 263 об.; Д. 182. Л. 145 об., 147).

⁶ «...Писать мне в Великое государство его царскому величеству государю моему премилосердному... лживых дел непристойно...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 98 об.).

⁷ «...Пишу все что слышу, а что ис которых... правда или лжа, то бог весть...» (РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 144).

⁸ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 462 об.

К тому же дипломат, как видно из его бумаг, хотел угодить вышестоящим, показать себя с лучшей стороны — старательным и «ответственным» работником: «... Так и впредь со тщанием и верою должен великому государю его царскому величеству государю моему царю премилосердному послужити... усердно... и на всякую почту записки посылать буду, хотя последние свои крохи издам и всеми уж одолжился, однакож за помощию Божию не опущу сего потребнаго часу и дела»⁹.

Не давали допустить ошибку и многочисленные недруги дипломата, которых он успел нажить. В этом случае доносительство и жалобы начальству становились одним из главных способов мести. Обладая метким языком¹⁰, конфликтовал резидент со многими: гонцом М. Бурцовым¹¹, В. Тимофеевым и, что хуже, с членом его собственного «посольства» черным священником, иеромонахом [Соловьев, с. 497, 500–501].

Определенное доверие к свидетельствам дипломата добавляют и особые отношения стольника с его адресатом А. С. Матвеевым¹². Хотя Тяпкин начал дипломатическую деятельность при А. Л. Ордине-Нащокине (возглавлял Посольский приказ с 1667 по 1671 г.), своей карьерой он во многом был обязан именно Матвееву, от которого в случае оправдания «высокого» доверия зависела будущая судьба Тяпкина и его семьи (не секрет, что стольник планировал устроить на дипломатическую службу одного из сыновей — Ивана¹³ [Соловьев, с. 485, 486]).

Конечно, все эти факты не исключают неточности и аберрации данных у резидента. Известно, что дипломаты, дабы выслужиться перед начальством, стремились показать свою работу сложной, указать на преданность делу, иной раз преувеличивая реальное положение вещей (см., например: [Юзефович, с. 230]). Однако все представленные примеры все же немало говорят и в пользу будущей достоверности отчетов резидента.

Тяпкин сообщает бесценные сведения, уточняя и детализируя обстоятельства и даже «антураж» смерти Потоцкого. Желая показать начальству свою осведомленность, Тяпкин писал о кончине Потоцкого: «...Эгинул, яко пес, и якоже древний безбожный и безумный Арий, будучи здрав, в полате своей стояв под окном и смотрил на улицу, и внезапно пад издше, даже и внутреннем из него чрез уста его излившуся...»¹⁴.

Примечательно здесь упоминание резидентом некоей «полаты» («полат») Потоцкого во Львове. Но владения этой фамилии в предместьях Львова связаны с XVIII в. [Zielińska, s. 117], львовский же дворец Потоцких был построен, как известно, лишь в XIX столетии. Возможно, дипломат имел в виду какую-то временную резиденцию. Между тем старославянское слово «полаты» родственно латинскому *palātium* (греч. *παλάτιον*), что, кажется, исключает иные варианты, кроме некоего дворца [Конявская, с. 133–134]. Раскрывая происхождение слов, добавляем новые детали к «обстановке» смерти Потоцкого. Так, использованное стольником слово «полаты» означает «деревянный настил» и верхний этаж (залу) какого-либо здания (полати) [Никифорова, с. 58]¹⁵.

Каковы источники сведений резидента о кончине каменецкого кастеляна? О них стольник умалчивает (что само по себе интересно, ведь, даже пытаясь скрыть имена осведомителей, дипломат косвенно, но указывал на происхождение информации¹⁶), но мы можем предположить, что они

⁹ РГАДА. Ф. 79. Д. 182. Л. 34–34 об.

¹⁰ Это отметил еще великий гетман литовский Михал Казимеж Пац, заметивший, что такими «острыми» словами, как Тяпкин, ему никто не отвечал (см.: РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 478; есть и у С. М. Соловьева: [Соловьев, с. 502]).

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 473 об.

¹² Резидент имел особо тесные и теплые отношения с «начальником», называл его своим «благодетелем», часто (пусть и «протоколно») беспокоился о его «здравии» (см., например: РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 65).

¹³ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 407 об., 415–417; Д. 182. Л. 134.

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 493 об.

¹⁵ См. также: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 194–195.

¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 498; Д. 178. Л. 60 об.; Д. 182. Л. 23 об.

достаточно обширны: Тяпкин контактировал как с Яном III, так и со многими влиятельными сановниками Речи Посполитой, но главным его собеседником во Львове был литовский гетман М. К. Пац. Помимо этого, дипломат получал «новины» от членов львовского православного братства, Кириака Иссаровича (Кирьяк Исарович) [Шустова, 2000; Шустова, 2009, с. 438]. С Тяпкиным были пристав Ян Оборский, «ближний» человек Я. Собеского ксендз Берниц (вероятно, имеется в виду ученый-дипломат (львовский каноник) Августин де Берниц либо Ян Теодор де Берниц [Drozowski, Zahorski, s. 97; Piwarski, s. 17]), встречался он с неким шляхтичем Урбицким¹⁷. Таким образом, круг знакомых, а следовательно, и «поставщиков» информации, у резидента был обширен. Любой из них мог принести весть о кончине Потоцкого.

Мог ли Тяпкин получить эти сведения из львовских «газет» того времени? Ведь именно так московские дипломаты (и сам первый русский резидент) нередко собирали важную информацию, черпая ее из различных «авиз» и заграничных «курантов». Однако собственно первая львовская газета «Gazette de Leopold» появилась только в 1776 г. [Drukarze dawnej Polski, s. 179]. До этого львовские «новости» можно было узнать, например, из польских и иностранных «gazet ulotnych» XVII в. [Czarnik, s. 7–10].

Обращает на себя внимание упоминание Тяпкиным в связи со смертью Потоцкого известного ересиарха и основателя «арианской ереси» Ария (256–336). И это, похоже, не случайно. Как известно, один из выдающихся представителей рода Потоцких поэт Вацлав Потоцкий (1621–1696) был «арианином»¹⁸, так же как и отец каменецкого кастеляна Стефан (1568–1631). Вероятно, именно к этому эпизоду из истории рода Потоцких следует отнести замечание резидента: «...Забыл страх Божий и благочестивую православную христианскую веру...»¹⁹, так как протестанты, к которым относились ариане, рассматривались православным дипломатом как еще худшие «неверные»²⁰, чем католики²¹.

Однако позднее Вацлав [Brückner] и Стефан Потоцкие перешли в католичество. Возможно, Тяпкин распространял историю с «польскими братьями» и на Павла Потоцкого, хотя свидетельств о том, что он принадлежал к арианам (тайным или, что более сомнительно, явным), нет. По крайней мере, внешне Потоцкий позиционировал себя как истинного католика и имел неплохие отношения с доминиканцами [Stolarski, p. 196, 197]. То, что именно он был послан в качестве посла в Рим к самому Папе [Rogalski, s. 87], уже говорит о многом. Тем более как рыцарь-шляхтич эпохи барокко он все же должен был твердо стоять за веру «Оплота Христианства» — Польши [Tazbir, 1976, s. 787]. В любом случае, «некролог» затрагивает интересный вопрос о восприятии православными россиянами второй половины XVII в. «польских братьев». И, тем не менее, как видно из текста, резидент недвусмысленно сопоставляет и как бы отождествляет смерть Потоцкого с кончиной «древнего ересиарха». Что же в них общего? Епископ Александрийский (328–373 г.) Афанасий I Великий (ок. 295–373), описывая гибель Ария, отмечал, что тот умер недоброй смертью, находясь в отхожем месте²². Значит ли это, что таковыми были и последние мгновения жизни Потоцкого?

¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 408 об., 441 об. — 444, 470 об., 474 об. — 478, etc.

¹⁸ Ариане, антитринитарии, социниане или «польские братья» не имеют прямого отношения к ереси IV–VI в. Однако Тяпкин, судя по всему, не делал между ними особого различия.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 493.

²⁰ Тяпкин прямо называет их «еретиками» (см.: РГАДА. Ф. 79. Л. 264 об.).

²¹ Из текста донесений выходит, что резиденту ближе представители римско-католической веры, хотя «непримиримая позиция» протестантов по отношению к папе римскому и католикам гораздо больше сближала их с православными [Андреев, с. 87]. Видимо, «богословские» тонкости были резиденту чужды.

²² Афанасий Великий. Послание к брату Серапиону (о смерти Ария) // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. Т. II [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/IV/340-360/Athanasios_Veliky/posl_serapion_1.htm (дата обращения: 12.12.2014).

Скорее всего, Ария Тяпкин помянул, чтобы указать на «многогрешность» кастеляна, выставить его смерть позорной и недостойной. Тем более что в самой Польше в период и после шведского «потопа» (1655–1660 г.) слово «ариане» употреблялось зачастую с негативным оттенком, как «союзники» Карла X Густава (1654–1660 г.), и по восстановленному в 1658 г. (1659 г.) статуту Владислава II Ягеллы (1386–1434 г.) ариане были изгнаны [Nowakowski, s. 266]. Их представляли неисправимыми и закоснелыми богохульниками, которых нужно хватать и «на гарdle караць...» (1662 г.) [Tazbir, 1957, s. 44–45].

Касаясь многозначительной фразы Тяпкина о забывшем *православную* веру кастеляне, заметим: он имел детей в Москве от православной супруги, не перешедшей в католичество, его сын Теодор крещен в России по «восточному» обряду самим Никоном, что в дальнейшем немало мешало ему в его карьере [Bartoszewicz, s. 395; Kosman, s. 190]. Да и особая религиозность, как заметил Августин Мейерберг, не была в почете среди московских «латинян»²³. Что тут удивляться, если и прославившие рьяными католиками [Kowalski, s. 101] польские шляхтичи на деле, бывало, относились к вопросам веры довольно рассудительно [Tazbir, 1976, s. 785, 786]. Тому было множество причин, для нас же интересно другое: пребывавший в Москве Потоцкий назывался «дворянином» [Bushkovitch, p. 101], а общеизвестно, что дворянство «по московскому списку» было одной из «наград» принявшему православие (см. популярную статью: [Бердников]). Все это заставляет подозревать, что поляк каким-то образом был причастен не только к посещению царских пиров, но и к русской церковной жизни, о чем знал или догадывался московский дипломат.

В смерти Потоцкого резидент как человек верующий усматривает Божественную руку, покарвавшую неблагодарного «грешника» (описание «прегрешений» которого занимает немалую часть сообщения), посмеявшего, как ему казалось, несправедливо и лживо хулить царя Алексея Михайловича (1645–1676 г.), благоволившего²⁴ «ляху», когда тот находился в Москве, и даже подобравшего ему родовитую жену²⁵: «...Забыл... благочестивейшаго великого государя Его царского величества неизреченную милость милосердствованием своим бесовским излевал, и выдал на латинском языке блядословную и многохульную книгу на великое государство Московское, згинул, яко пес...»²⁶. Речь идет, как нетрудно догадаться, о знаменитом сочинении Потоцкого «Московия, или Краткий рассказ о нравах Великой Российской монархии»²⁷ (Гданьск, 1670 г.), в котором он описал характеры московского «высшего общества». Как раз этот труд дипломат отправил в Москву [Шустова, 2000], хотя, что интересно, в списке переводов, сделанных в Посольском приказе для царя и его окружения, «острой» книги Потоцкого нет [Николаев].

Что же касается гнева Тяпкина на польского пана, его понять можно: Потоцкий достаточно вольно высказывается о важных московских вельможах, отзываясь о правлении в России как о «жестокоем» (неразумном, «не по совести») («non ex animi conscientia»²⁸), а о стране — как о необразованной, не стесняется отмечать «неблагоразумие» государя²⁹, правящего «меж тяжких воплей» («inter gravissimos luctus»³⁰). С другой стороны, возмущение дипломата иной раз выглядит

²³ [Мейерберг А.] Путешествие в Московию... к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 г. М., 1874. С. 104.

²⁴ Потоцкому была предоставлена достаточная свобода и даже оказана особая царская милость — сидеть с государем за одним столом [Bushkovitch, p. 101].

²⁵ Ею стала Елена Петровна Салтыкова, приходившаяся тетей жене будущего царя Ивана V [Bushkovitch, p. 101] и племянницей супруге Алексея Михайловича.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Д. 161 а. Л. 493–493 об.

²⁷ Potocki P. Moschovia sive brevis narratio de moribus Magnae Russorum monarchiae // Opera omnia / Wyd. J. A. Załuski. Warszawa, 1747.

²⁸ Там же. S. 170.

²⁹ См. русский перевод фрагментов «Moschovia sive brevis narratio de moribus Magnae Russorum monarchiae»: [Потоцкий П.] Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича // Северный Архив. 1825. № 20. С. 296, 297, 301, 312 и другие.

³⁰ Potocki P. Moschovia sive brevis narratio de moribus Magnae Russorum monarchiae. S. 170.

несколько преувеличенным, ведь Потоцкий наряду с критикой пишет и немало похвального (правда, избирательно) о московской аристократии, прославляя преданных своему отечеству, просвещенных людей, одаренных Грациями и «высокими качествами души»³¹.

Пышущее негодованием сообщение стольника (как государственного «служащего», проявляющего «верноподданническую» позицию) лишней раз показывает, какой негативный эффект имело это произведение Потоцкого, насколько сильно поразило образованного «москвитина». Сообщение излишне эмоционально, изобилует бранными и грубыми выражениями. Впрочем, наличие подобной обценной лексики вполне в духе московского дипломата, нередко позволявшего себе весьма резкие высказывания³².

Интересен здесь мотив «нечистоты», в том или ином виде присутствующий в описании смерти Потоцкого, — намек на отхожее место, а также оскорбление кастеляна — называние его «псом». Пес по славянским (и не только) представлениям изначально был связан с «нечистотой», назывался «лютым зверем» и относился к подземному (хтоническому) миру [Гаджикурбанова, с. 237]. Кроме того, в традиции он сближался со змеем (змеей), с которым («аспид») иногда сравнивали поляков-католиков³³.

Некоторые детали из сообщения, как нам кажется, проясняют обстоятельства смерти Потоцкого, не имевшей, несомненно, «мистического» характера: «...И внезапно пад издше, даже и внутреннем из него чрез уста его излившуся...». Упоминание неких «излияний», выделений изо рта умирающего заставляет предполагать, что причиной смерти Потоцкого был апоплексический удар («ароплексја»), инсульт — довольно распространенная в те времена беда [Woguska, s. 130]. Учитывая образ жизни вельмож той эпохи, обилие мяса, жирной и тяжелой пищи [Kochańczyk, s. 65, 70–72, etc.; Woguska, s. 130], это вполне правдоподобное объяснение. Из текста источника ясно одно: смерть Потоцкого была внезапной, а болезнь достаточно скоротечной — в конце августа (начале сентября) он вполне активен и находится при Яне Собеском, а в первой половине (или в 20-х числах) октября умирает.

В то же время описанные симптомы сопутствуют и отравлению (в Польше XVI–XVII в. нередки были случаи умерщвления ядом мужей и родственников женами, которым покровительствовал Пшехера-Франт [Karpiński, s. 28; Kuchowicz, 1957, s. 380]), например, некоторыми ядовитыми растениями (*Cicuta virosa*) [Трахтенберг, с. 55], а также опиумом, применявшимся в польской медицине в качестве особой обезболивающей «алкогольной наливки» (находим в Краковской фармакопее 1683 г. и ранее в других изданиях) [Kowszewicz, s. 19]. Кажется, отравление подтверждается и упоминанием в документе «внезапности» смерти Потоцкого, которой, очевидно, не сопутствовала какая-либо болезнь («...будучи здрав...»).

Не нужно исключать, что Потоцкий, вполне вероятно, и не умер в тот день. Ведь описанный инцидент схож с признаками эпилептического припадка — неприятного, но не всегда смертельного явления, тем более что в среде магнатов эпохи барокко случаи эпилепсии были часты [Kuchowicz, 1992, s. 120]. Однако дипломат дважды недвусмысленно указал на кончину Потоцкого: «учинилась смерть» и «згинул», и нигде больше в его более поздних записях имя Павла Потоцкого не фигурирует.

Сообщение о смерти Потоцкого рассматривалось резидентом как известие большой важности. Если посмотреть на дату отправления письма, то окажется, что их разделяют примерно сутки: Потоцкий, судя по документу, умер 14 (24) октября, сообщение в Москву послано 15 (25)

³¹ [Потоцкий П.] Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича. С. 300, 305, 313.

³² Так, стольник называл польского резидента в Москве Павла Михала Свицерского «шалбером», делал обидные сравнения с «круговыми» и т. п. (см.: РГАДА. Ф. 79. Д. 178. Л. 98–99).

³³ Как один из примеров: Палицын А. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах. М., б.г. С. 127.

октября, то есть на следующий же день. Дипломат явно торопился отправить эту информацию в Посольский приказ. Благодаря расторопности стольника историки не только заполучили источник, возможно, с наиболее точными датой и описанием смерти знаменитого поляка, пролив толику света на некоторые неясные моменты его биографии, но и еще раз приоткрыли внутренний мир образованного россиянина XVII в.

Литература

- Андреев А. Н. Православно-протестантские отношения в России XVIII в. // ВИ. 2012. № 8. С. 83–95.
- Бердников Л. И. Тишайший прозелит // Новый Берег. 2013. № 41 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2013/41/17b.html> (дата обращения: 22.12.2014).
- Гаджикурбанова П. А. Что значит быть собакой // Синий диван. 2007. № 10/11. С. 232–243.
- Конявская Е. Л. Княжеский двор-усадебя в домонгольских письменных источниках // Слов'яни і Русь: Археологія та історія. Збірник праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ, 2013. С. 133–142.
- Межва Э. А. Россия и российские дела в польской историографии второй половины XVI — первой половины XVII в. // Поляки в России: XVII—XX в.: Материалы Международной научной конференции. Краснодар, 2003. С. 7–17.
- Никифорова Л. В. Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии. СПб., 2006.
- Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI—XVIII в.: Библиографические материалы. СПб., 2008.
- Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. VI (история России с древнейших времен). Т. XII.
- Трахтенберг И. М. Книга о ядах и отравлениях. Очерки токсикологии. Киев, 2000.
- Шустова Ю. Э. Посольские книги как источник по истории введения греко-католической унии на украинских землях в составе Речи Посполитой в 70–90-х годах XVII в. // Источниковедение: Поиски и находки: Сб. научных трудов. Воронеж, 2000. Вып. I. С. 110–120 [Электронный ресурс]. URL: <http://bractwo.narod.ru/Libraries/JES/JESPosol.htm> (дата обращения: 21.12.2014).
- Шустова Ю. Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788). М., 2009.
- Юзефович Л. А. Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.
- Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Wrocław, 1995. T. VII. Cz. II.
- Bartoszewicz J. Historia literatury polskiej. Warszawa, 1861.
- Bogucka M. Staropolskie obyczaje w XVI–XVII w. Warszawa, 1994.
- Bömelburg H.-J. Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa. Wiesbaden, 2006.
- Brückner A. Dzieje kultury polskiej. Kraków, 1930. T. II [Электронный ресурс]. URL: http://unitarianie-universalsisci.pl/_czytelnia/Bruckner_Przesladowanie_Arian.pdf (дата обращения: 17.12.2014).
- Bushkovitch P. Cultural Change among the Russian Boyars, 1650–1680. New Sources and Old Problems // Von Moskau nach St. Petersburg: Das Russische Reich im 17. Jahrhundert. Hrsg von H.-J. Torke. Wiesbaden, 2000. P. 91–112.
- Chrzęszczewski A. Pamiętnik oficjalisty Potockich z Tulczyna. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976.
- Czarnik O. S. Lwów w gazetach ulotnych XVII i początku XVIII w. // Rocznik Lwowski. 2002. T. VIII. S. 7–21.
- Drozdowski M., Zahorski A. Historia Warszawy. Warszawa, 1981. T. I.
- Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII w. Wrocław, 1960. Z. VI (Małopolska – Ziemie Ruskie).
- Historia nauki polskiej / Pod red. B. Suchodolskiego. Wrocław, 1970.
- Ilowiecki M. Okręty na oceanie czasu: Historia nauki polskiej do 1945 r. Warszawa, 2001.
- Karpiński A. Kobieta w mieście polskim: W drugiej połowie XVI i w XVII w. Warszawa, 1995.
- Kartografia polska XV–XVII w. Warszawa, 2004.
- Kochańczyk J. Przeboje kuchni staropolskiej. Wydawnictwo e-bookowo, 2012.
- Korbut G. Literatura polska od początków do wojny światowej. Warszawa, 1929. T. I.
- Kosman M. Między ołtarzem a tronem: Poczec prymasów Polski. Poznań, 2000.

- Kowalski W.* Patrick Gordon z Auchleuchries i jego ogląd staropolskiego świata // *Staropolski ogląd świata – problem inności* / Red. F. Wolański. Toruń, 2007. S. 81–105.
- Kowszewicz A.* Motywacje używania narkotyków w kręgach polskich elit od połowy XIX w. do roku 1939. Poznań, 2014.
- Kuchowicz Z.* Z dziejów obyczajów polskich w wieku XVII i pierwszej połowie XVIII. Warszawa, 1957.
- Kuchowicz Z.* Człowiek polskiego baroku. Łódź, 1992.
- Limán K.* Studia historyczno-literackie nad żywotami biskupa Ottona z Bambergu. Poznań, 1966. T. I.
- Matwijowski K.* Pierwsze sejmy z czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1976.
- Nagielski M.* Potocki Paweł h. Złota Piława // *Polski słownik biograficzny*. 1984/1985. T. XXVIII. S. 117–119.
- Nehring W.* Kurs literatury polskiej. Poznań, 1866.
- Nowakowski H.* Album Lwowskie. Lwów, 1862.
- Paweł Potocki [Электронный ресурс]. URL: http://pl.wikipedia.org/wiki/Paweł_Potocki (дата обращения: 15.12.2014).
- Piwarowski K.* Królewicz Jakób Sobieski w Olawie. Kraków, 1939.
- Pollak R.* Piśmiennictwo staropolskie. Warszawa, 1963. T. III.
- Potocki Paweł [Электронный ресурс]. URL: http://www.wilanow-palac.pl/potocki_pawel_zm_1675.html (дата обращения: 15.12.2014).
- Potomkowie Sejmu Wielkiego [Электронный ресурс]. URL: www.sejm-wielki.pl (дата обращения: 15.12.2014).
- Rogalski L.* Historia literatury polskiej. Warszawa, 1871. T. II.
- Słownik historyków polskich. Warszawa, 1994.
- Starnawski J.* Odrodzenie: Czasy-ludzie-książki. Łódź, 1991.
- Stolarski P.* Friars on the Frontier. Catholic Renewal and the Dominican Order in Southeastern Poland, 1594–1648. Farnham, 2010.
- Stolicki J.* Egzultanci podolscy (1672–1699). Kraków, 1994.
- Tazbir J.* Nietolerancja wyznaniowa i wygnanie Arian // *Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655–1660*. Warszawa, 1957. T. I. S. 249–301 [Электронный ресурс]. URL: http://unitarianie-universalisci.pl/_czytelnia/Nietolerancja_wyznaniowa_wygnanie_Arian.pdf (дата обращения: 15.12.2014).
- Tazbir J.* Wzorce osobowe szlachty polskiej w XVII w. // *Kwartalnik Historyczny*. 1976. T. LXXXIII. № 4. S. 784–793.
- Zielińska T.* Szlacheccy właściciele nieruchomości w miastach XVIII w. Warszawa–Łódź, 1987.